

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Вперед
и с песней

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Вперед и с песней

«Научная книга»

2000

Серова М. С.

Вперед и с песней / М. С. Серова — «Научная книга»,
2000 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

России угрожает страшная беда – из секретной биологической лаборатории выкрадены три металлических контейнера с возбудителями тифа, холеры, сибирской язвы, чумы. Руководитель лаборатории обращается к частному детективу Татьяне Ивановой. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что лаборатория находится... на территории психбольницы. Чтобы найти похитителей и предотвратить катастрофу, Татьяне приходится разыграть буйное помешательство...

© Серова М. С., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Вперед и с песней

Глава 1

СПЛОШНАЯ ЗАРАЗА

Когда я училась в школе, то из всех школьных предметов почему-то особенно ненавидела химию. Ну просто терпеть не могла эти уроки!

То ли потому, что наша химичка от многих учителей отличалась особой злобностью и требовала, чтобы мы знали назубок все основные химические формулы. То ли из-за того, что сами формулы соединений были слишком длинными и нудными – не знаю, врать не буду. Даже опыты со взрывами и окраской веществ в разные цвета, которые в другое время наверняка приводили бы меня в восторг, в присутствии нашей очкастой Таисии Петровны теряли всю свою прелесть.

Могу лишь точно сказать, что сразу же после школы я почти все эти химические уравнения, опыты и бесконечные цепочки аминокислот преспокойно забыла и с тех пор никогда об этом не жалела.

Но сегодня странный клиент заставил меня вспомнить не только об уроках химии. У меня даже снова возникло то состояние безнадежной скуки, которое охватывало, бывало, весь наш класс во время назойливого бормотания химички, изредка прерываемого ее же нервными выкриками.

Все, что ли, химики такие сдвинутые? Или просто мне с ними в жизни не везет?

Посетитель, пришедший утром ко мне домой и назвавшийся Адамом Егоровичем Одупейло, с первого взгляда производил впечатление человека, у которого немножко не все дома.

Вошел, сразу же доложил, что он – химик, чем совершенно меня не удивил. Но потом прибавил, что одновременно еще является микробиологом, медиком, бактериологом, историком, экологом, социологом, заведующим лабораторией и чуть-чуть – для души – писателем-фантастом.

Опасаясь, как бы я не усомнилась в его словах, он разложил передо мной на столе целый веер каких-то дипломов, сертификатов, справок и чьих-то рекомендаций, написанных от руки на клочках бумаги.

От нечего делать я все же пробежала глазами один из таких листочков: в нем говорилось о том, что некий профессор Владислав Матвеевич Горемыкин считает научные изыскания Адама Егоровича Одупейло на редкость ценными для всей мировой науки и в будущем рекомендует их опубликовать в научных, а также научно-популярных изданиях, но почему-то не раньше 2030 года.

В углу листа стоял штамп, наподобие библиотечного, со словами «совершенно секретно», который затем был перечеркнут крест-накрест шариковой авторучкой.

Прочитав эту рекомендацию, я несколько усомнилась: может быть, всесторонне одаренный Адам пришел не по адресу и считает, что у меня тут находится редакция или издательство и я тут же опубликую его труды?

Как бы выпроводить чудика побыстрее по другому адресу? К тому же – до времени опубликования осталось еще больше тридцати лет. Стоит ли так торопиться?

– Нет, – твердо сказал на это Адам Егорович, продолжая вынимать из своего толстого портфеля и раскладывать передо мной еще какие-то листки и удостоверения. – Я пришел

именно и конкретно в частное детективное агентство. Насколько понимаю, ведь вы Татьяна Иванова? Можно, я буду называть вас просто Танечкой? Ведь вы такая милашка!

И Адам Егорович улыбнулся, деликатно прикрывая ладонью рот, чтобы не показывать нехватку переднего зуба.

– Называйте, пожалуйста, – разрешила я. – Но все же никак не пойму: чем могу вам помочь?

– А вот об этом, Танечка, я вам сейчас расскажу, но только все по порядку, – пообещал Адам Егорович торжественно. – Не скрою, я очень спешу и даже нервничаю, но в жизни случаются такие ситуации, когда излишняя торопливость способна помешать изложить тему должным образом и тем самым изначально перечеркнуть всю дальнейшую работу. Поверьте мне, Танечка, как ученому с почти тридцатилетним стажем.

Что тут оставалось делать? Я поудобнее откинулась на мягкую кожаную спинку вращающегося стула и невольно с тоской взглянула на настенные часы, к которым посетитель сидел спиной.

Судя по всему, в моем рабочем расписании уже с утра намечался тихий час, и я даже незаметно посильнее вытянула под столом ноги и приняла более удобную позу, чтобы провести этот час с пользой для себя.

Признаться, прошедшая ночь выдалась у меня достаточно бурной: неожиданно вечером пришел мой давний бойфренд и, естественно, остался до утра, напрочь лишив меня возможности как следует выспаться. Что ж, я об этом нисколько не пожалела! Зато теперь можно хоть немного отдохнуть.

Ведь не могу же я просто так вытурить клиента, у которого есть ко мне какое-то дело? Негласное правило частного детектива – сначала всех выслушай, а только потом делай выводы. А для себя я обычно к этому добавляю: будь, Танечка, вежлива, находчива и невозмутима одновременно. И умей сохранять по возможности непроницаемый вид при самых невероятных обстоятельствах.

Но, с другой стороны, я уже с первого взгляда поняла, что Адам Егорович – не мой клиент. Как говорится, не с моего поля ягодка. Да и ягодка, похоже, какая-то ядовитая, с подвохом. Во-первых, потому, что вряд ли у него есть возможность оплатить мои достаточно дорогостоящие услуги, а бесплатно я не работаю. Принципиально! И ни для кого не делаю исключения из правил.

Во-вторых, мелкими бытовыми делами, семейными и служебными склоками я тоже не занимаюсь – неинтересно. Это отнимает уйму времени, но ни денег, ни морального удовлетворения подобная канитель в конечном счете все равно не приносит. Для таких дел существуют отделения милиции, обязанные бесплатно защищать налогоплательщиков от всевозможных напастей и пакостей окружающих.

А этот Адам Егорович уже несколько раз произнес в своей сумбурной речи слова «недостаточно честный коллега» и «сбившийся с пути сотрудник» – значит, какие-то у него там имеются неурядицы на работе, в его медицинском, биологическом, экологическом, химическом или еще каком-то научном институте.

– Ну что же, теперь вы поняли, с кем имеете дело? – Адам Егорович поднял на меня глаза, которые за увеличительными стеклами очков казались на редкость огромными и неестественно голубыми. – Мне важно с самого начала задать нашему разговору серьезный уровень и не снижать этой планки. Вы должны сразу понять, что дело, о котором пойдет речь, – междонародного и, я бы даже сказал, вселенского масштаба...

– Постараюсь, – сказала я, ничуть не удивляясь размаху замыслов моего посетителя.

За время работы в своем частном детективном агентстве я сталкивалась с заявлениями и покруче, и особенно по весне и по осени – как известно, именно на это время приходится

обострение активности всевозможных космическо-психопатических личностей. А сейчас на дворе как раз была весна.

– «И наведу на вас мстительный меч... и пошлю на вас моровое поветрие, и преданы будете в руки врага...» – громко произнес Адам Егорович, многозначительно поднимая вверх указательный палец. – Чуете? Моровое поветрие! Это слова из Моисеевых книг Ветхого завета. Они вам, Танечка, ни о чем не говорят?

«Наверное, все же историк», – подумала я, пожимая плечами, и постаралась набраться терпения не перебивать посетителя по возможности.

При этом я засекала время по часам: если минут через десять-пятнадцать многоуважаемый ученый муж все же не сформулирует более-менее внятно, что ему от меня нужно, надо будет быстренько под любым предлогом спровадить его.

Значит, случай клинический и совершенно безнадежный.

– «И накажу живущих в земле Египетской так, как Я наказал Иерусалим, мечом, голодом и мором», – это тоже из Ветхого завета. Заметьте, Танечка, – мором, всех мором. И ведь я говорю пока что о самых древнейших, так сказать, библейских временах и даже не подошел еще к известнейшим эпидемиям чумы или холеры, которые в свое время свели в могилу буквально половину населения Европы.

«Вот и хорошо, про Европу пока не будем, – решила я про себя, – а то наша встреча растянулась бы совсем уж до самого вечера. Я столько не просплю!»

– Я пришел к вам, потому что дело, о котором пойдет речь, не просто секретное. Оно – сверхсекретное! Я еще раз подчеркиваю, Танечка, – сверхсекретное!

«А я не просто человек, я – сверхчеловек! Пришелец из космоса! Сам Господь Бог, наславший мор, – никак уж не меньше», – мысленно продолжила я про себя супертаинственную фразу моего посетителя, тем временем с сонной улыбкой разглядывая воробья, который как раз сел на подоконник и бойко зачирикал о чем-то своем, весеннем. Слава богу – не великом.

Обычно, когда мне приходится заниматься утром делами слегка с похмелья и все еще под впечатлением от ночных ласк, вывести меня из себя бывает очень сложно. В такие минуты я бываю спокойной, как бронетранспортер, и испытываю приятное умиротворение – во всем теле и в голове.

Коньяк вчера был славный, а Сергей – тот на сей раз просто превзошел самого себя! Все время горячо шептал в ухо: «Танечка, Танечка...»

– Танечка, я пришел именно к вам, потому что через надежного человека получил сведения, что именно вам можно доверить столь секретное дело и не опасаться при этом за утечку информации. Но прежде всего вы должны пообещать, что никогда, ни под каким видом никому не расскажете о том, что сейчас услышите от меня, – произнес Адам Егорович, поправляя очки, съезжающие на нос.

«Могила», – чуть не ответила я своему патетически настроенному клиенту, которого слушала вполуха, вспоминая, как ни с того ни с сего Сергей вдруг начал брызгать на мое голое тело коньяком «Хенесси», приговаривая, что такой коньяк требует, чтоб его смаковали, а ему будет гораздо приятнее делать это таким образом. Забавный он все-таки парень, мой Сережа! Нестандартный парень!

– Да, конечно, – ответила я рассеянно не менее забавному человеку, который все еще продолжал сидеть напротив и глядеть на меня во все свои громадные, многократно увеличенные очками глаза. – Информация, полученная от клиента, – коммерческая тайна, и, следовательно, тайна для кого бы то ни было, кроме меня. Этот закон я никогда не нарушаю.

– Вот и славно! – обрадовался Адам Егорович. – Я не буду брать у вас письменного подтверждения ваших слов. Хотя, по идее, надо бы, но, с другой стороны, я даже не знаю как. Но все же хорошо бы...

«Вот еще, – подумала я сердито, – чего захотел! Ему теперь от меня еще и какие-то письменные обязательства понадобились? Мало у него, что ли, в портфеле других бумажек? Ходит по всем офисам, квартирам и собирает до кучи. Может, у него хобби такое – справки коллекционировать? Нет, точно чокнутый. Пора гнать...»

– Может быть, вы сразу возьмете с меня еще подписку о невыезде? Или даже о невыходе из собственного дома? – спросила я без особой любезности, решив больше не нянчиться с безумцем.

Но Адам Егорович словно что-то сам прочел уже на моем лице и сразу же замахал обеими руками, давая понять, что хотел бы отменить и поймать в воздухе последние свои слова, которые не должны были вырываться наружу.

– Нет-нет-нет, только не сердитесь, Танечка, – сказал он. – Давайте продолжим наше дело, так сказать, в сугубо устном порядке. Вы не возражаете?

«А разве мы его уже начали?» – хотелось переспросить мне, но, посмотрев на часы, я увидела, что время Адама Егоровича еще не истекло, и поэтому лишь коротко кивнула.

Адам Егорович, набрав побольше воздуха в легкие, начал в красочных подробностях рассказывать мне историю, случившуюся в семнадцатом веке, и о том, что уже в наши дни в найденной переписке губернатора Новой Шотландии Амхерста с подчиненным ему полковником Букэ, комендантом крепости Форт-Питт в Северной Америке, обнаружены совершенно точные доказательства умышленного заражения американских индейцев оспой. Оказывается, подлый полковник Букэ нарочно доставил индейским вождям два одеяла и платок, находившиеся до этого в госпитале для больных оспой, и тотчас же после вручения этих «данайских даров» среди индейских племен штата Огайо вспыхнула серьезная эпидемия оспы, выкосившая насмерть около трех миллионов туземцев.

– Ну и что? – спросила я удивленно, выслушав его рассказ.

Может, он пришел попросить, чтобы я разыскала и наказала по заслугам полковника Букэ, жившего в семнадцатом веке? Чего уж там мелочиться? А потом выдала бумагу, по которой его казнили бы за это, к примеру, в 2200 году? Что нам с Адамом плюс-минус несколько столетий? Сущие пустяки!

– Как это – что? Танечка? Неужели вы и теперь не понимаете масштабов нашего дела?

Произнеся это, Адам Егорович посмотрел на меня с таким торжеством, что было очень трудно удержаться от смеха.

Глядя на его бумажки, я подумала: может, он тоже заразил свою макулатуру какой-нибудь оспой или холерой и теперь взялся из каких-то собственных зловредных побуждений за истребление частных детективов города Тарасова? И при этом почему-то решил начать с меня?

Не знаю, как насчет чумы или оспы, но бациллами безумия речи и бумаги моего не в меру разговорчивого посетителя заражены были явно, и, взглянув на часы, я решила действовать более решительно.

– Интересная история, – сказала спокойно. – Даже поучительная. Я нисколько не сомневаюсь, что вы знаете множество не менее любопытных исторических фактов, но мне некогда сейчас их выслушивать. Много срочной работы. Извините, но я вынуждена с вами распрощаться.

– Но то, что я вам сейчас рассказал, имеет самое непосредственное отношение к нашему делу! – воскликнул Адам Егорович. – Ведь я пытаюсь нарисовать, так сказать, обобщенный портрет того, что вам... нам с вами теперь придется искать. Но если вы хотите несколько сузить, говоря научным языком, аспект...

– Как можно сильнее сузить, – ответила я и теперь уже выразительно посмотрела на свои наручные часы. – Желательно – до двух минут, но можно даже еще сильнее.

– До двух минут? До двух минут? Но как это возможно? – заерзал на стуле Адам Егорович. – Хорошо, тогда я скажу вам то, что должен был сказать только в самом конце. В нашей

лаборатории, в нашей сверхсекретной лаборатории пропали три пробирки с этим. Ну, с этим самым.

– С чем – с этим? – повторила я нетерпеливо.

– Этой ночью исчезли сразу три пробирки, – помолчав, сказал Адам Егорович. – Извините, я забываю, что это наш лабораторный жаргон. Точнее, пропали три небольших специальных контейнера. В одном из них были микробы инфекционной летроспириозной желтухи. Во втором хранились палочки *Bacillus anthracis* – говоря простым языком, это возбудитель сибирской язвы. А в третьем – *pestis*...

– А это еще что?

– Чума, – просто объяснил Адам Егорович и замолчал.

– Как? Настоящая чума? – поразила я, мигом забыв о своих наблюдениях за минутной стрелкой.

– Ну да, та самая, – кивнул Адам Егорович. – О которой я не стал вам подробно рассказывать, чтобы сэкономить драгоценное время. Хотя тема – интересная и обширная, в каком-то смысле – мой конек!

– Конек? Погодите... Вы хотите сказать, что работаете в лаборатории, которая как раз занимается всей этой заразой?

– О, не только этой! – мигом оживился Адам Егорович, словно я действительно затронула его излюбленную тему. – Не только, Танечка! У нас хранятся еще и вирусы малярии, так называемой трехдневной лихорадки, а также – отдельно – особой тропической малярии плюс вирусы так называемой лихорадки денге и прелюбопытнейшей желтой лихорадки. Лично я потратил несколько лет на подробное изучение лихорадки долины Рифт. Но это, так сказать, больше в порядке хобби, по личному побуждению и по зову сердца. Случаи этой интереснейшей лихорадки зафиксированы пока только в Кении. Но, заметьте, в России я был одним из немногих, кто переболел этой болезнью из-за неосторожного обращения с вирусом.

Он бросил на меня интригующий взгляд.

– Если вас интересует более подробно спектр деятельности нашей лаборатории, то должен обратить ваше внимание, что мы, Танечка, занимаемся также изучением бруцеллеза, высеваем палочки туляремии, вирусами кори, а особенно гриппом – отдельно вирусами А и Б... Да мало ли! Но исчезло только то, что я вам перечислил. Самые опасные в общепринятом значении вирусы. И мне понятно почему.

– Почему? – тупо спросила я.

После обзора Адама Егоровича о деятельности его лаборатории у меня вдруг почему-то резко зачесалось сразу во всех местах. Уж не лихорадка ли какая-нибудь на меня перескочила? И какое-то странное покраснение возникло на ладони... Вроде бы утром, до того как касаться бумаг на столе, его определенно не было.

– Потому что тот, кто украл наши пробирки, был осведомлен, что именно надо брать. И я точно знаю, что это сделал сотрудник нашей лаборатории Валентин Валентинович Лепесточкин. Он вчера ночью исчез с этими тремя контейнерами в неизвестном направлении. И я хотел бы, чтоб вы его разыскали. Его и, главное, то, что он похитил. И чем быстрее, тем лучше будет для всех нас.

– Да... Однако... – ляпнула я, потому что не знала пока, что еще сказать и как вообще вести себя дальше.

Вообще-то с чумой я как-то раньше дел не имела. Да и не больно-то хотелось!

– Помните, в семидесятые годы в Поволжье была сильная эпидемия холеры? – помолчав, задумчиво спросил Адам Егорович, но тут же сам поправился: – Ах, да, вы не можете этого помнить. Вы тогда, Танечка, еще не родились или лежали в пеленках. Но многие помнят, как повсюду было запрещено купаться в реке, продавать молоко из фляг, отпускать покупателям

хлеб, если у них не было с собой целлофановых пакетов, которые в то время, заметьте, были еще дефицитом...

– Вы хотите сказать, что это дело рук вашей лаборатории?

– Отчасти, – скромно заметил Адам Егорович. – Сам я тогда еще здесь не работал, но в документах зафиксировано об утечке из лаборатории нашего материала, и именно такого, о котором я рассказываю. Как раз в это время. В общем, Танечка, страшное дело. Боюсь, как бы снова не началось...моровое поветрие.

– А грипп? – спросила я, вспоминая, как тяжело болела нынешней зимой моя подруга каким-то особым гонконгским гриппом, о котором прежде отродясь никто не слыхивал. – Может, эпидемия гриппа нынешней зимой – тоже ваши делишки?

– Ну что вы, Танечка, – укоризненно покачал головой Адам Егорович. – Никакой утечки материала последние десять – да что там! – двадцать лет из лаборатории не было. И потом, вы сразу должны понять четко: мы занимаемся исключительно научной деятельностью, выполняя специальные задания и программы, которые рекомендует нам руководство из центра, не более того. Ведь мы же не диверсанты какие-нибудь, мы просто ученые. Делаем чисто лабораторные исследования, которые представляют интерес только для специалистов, но затем используются в последующих разработках.

– Хорошенькое дело! А ваша чума? – спросила я удивленно. – Вы думаете, если пробирка разобьется где-нибудь, микробы будут выбирать только специалистов?

– Вот то-то и оно! – тяжело вздохнул он. – Поэтому то, что произошло этой ночью, – случай вопиющий! Кошмарный! Я даже не знаю, с чем его можно сравнить! За всю историю нашей лаборатории такого еще не бывало. Представляете, если в Тарасове вспыхнут эпидемии чумы, сибирской язвы и желтухи одновременно? Вы можете себе такое представить, а?

– Средневековые какое-то, – пробормотала я, смутно вспоминая про костры, на которых сжигали зачумленные трупы, какие-то особые телеги с колокольчиками, куда их собирали по городу, и еще что-то, прочитанное в книгах или увиденное когда-то по телевизору.

Но почему-то мне никак не удавалось перенести эти картины на улицы своего Тарасова, не хватало воображения.

И вообще – ужасик какой-то, причем с самого утра!

– Значит, вы хотите, чтобы я провела расследование дела о пропаже ваших пробирок вместе с вашим... товарищем?

Я чуть было не сказала – «сумасшедшим товарищем», но на ходу несколько сбавила обороты.

– Вот именно, – кивнул Адам Егорович. – Именно этого я и хочу от вас, дорогая Танечка. И еще – чтобы дело это от начала до конца осталось исключительно между нами.

– А вам известно, что у меня не районное отделение милиции и работаю я только за большой гонорар? – спросила я своего клиента напрямую.

Честно говоря, я приготовилась уже к тому, что сейчас Адам Егорович начнет громко и долго возмущаться и стыдить меня за то, что я не хочу бескорыстно спасти родной город от чумы, сибирской язвы и от какой-то еще не менее ужасной заразы. А потом он непременно толкнет речь про патриотизм, припугнет, что я сама, все мои родственники, знакомые, знакомые знакомых тоже в скором времени могут «зачумиться» или «заязвиться», или даже «зажелтиться...» И на этой ноте мы с ним преспокойно расстанемся.

Что-то не очень мне хотелось ввязываться в эту заразную историю – и других дел хватает!

Но Адам Егорович только торопливо запустил руку в свой бездонный портфель, выудил оттуда толстую пачку долларов и молча положил ее передо мной на стол среди своих бумажек.

– Вот, – сказал он. – Здесь должно хватить на все. Дело слишком серьезное, чтобы нам экономить сейчас и торговаться.

– Понятненько, – сказала я, с интересом разглядывая пачку купюр и пытаюсь прикинуть, какая это примерно сумма. На первый взгляд – раза в три-четыре превышающая мои запросы. – А можно поинтересоваться: откуда у вас столько денег?

– О, не сомневайтесь! – улыбнулся Адам Егорович трогательной беззубой улыбкой. – Некраденые. В нашей лаборатории нам очень, я бы даже сказал, неестественно много в обычном понимании платят. Еженедельная оплата в валюте. Причем сумасшедшие надбавки за риск, за секретность, постоянные премии за удачные опыты. В смысле оплаты наши шефы точны, как часы.

– А вы уже сообщили... этим вашим шефам о случившемся? – поинтересовалась я.

– Что вы? Тише, тише! Не нужно так громко! В том-то и дело, что нет, – тут же перешел на шепот Адам Егорович и на всякий случай оглянулся по сторонам, словно боясь, как бы кто-нибудь из могущественных шефов не оказался случайно за его спиной. – В том-то все и дело! Если эта информация дойдет до Москвы, а оттуда – еще куда-то дальше, может произойти скандал международного масштаба. Я же вам с самого начала сказал, что дело, о котором пойдет речь, – международное и крайне деликатное. Говорил или нет?

– Ну да, говорили.

– Я даже представить боюсь, что сразу начнется! Ясное дело, что мне тогда в лаборатории больше ни в жизнь не работать, хотя мой контракт должен действовать еще больше года. Но дело сейчас даже не только во мне, хотя и в этом тоже, – я должен буду на себе как на ученом поставить крест. Но вот Валентин, мой Валечка! Вот он...

– О каком Валентине вы говорите? О человеке, который похитил из лаборатории эти ящички, то есть контейнеры? Об этом самом воре?

– Да, конечно. Но только не стоит отзываться о нем так резко. Валечка очень, очень хороший человек, на редкость замечательный мальчик. Его ведь тогда просто... сотрут с лица земли. Я нисколько не сомневаюсь, что благодаря всевозможным спецслужбам его смогли бы достаточно быстро разыскать и обезвредить... Возможно, буквально за несколько часов. О, насчет этого у меня ни малейших сомнений! Ведь вы просто пока не имеете представления, с какой могущественной силищей мы имеем дело. Но больше мы Лепесточкина после этого никогда в жизни не увидим. Это я гарантирую. И даже имени его не услышим. Нет, так я тоже не согласен, не хочу, совершенно, категорически против...

– Значит, вы сейчас готовы заплатить деньги, чтобы я нашла Лепесточкина до того, как информация о вашей ужасной пропаже докатится до шефов?

– Вот именно, вы очень хорошо меня поняли, Танечка, – быстро заговорил Адам Егорович. – Именно так. Бог с ними, с чумными палочками, мы новых сколько угодно вырастим, только бы Валечка не успел что-нибудь начудить, что-нибудь такое против наших шефов. По моим расчетам, дня три-четыре у нас в запасе все же есть. Ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным, но пока приблизительно так. И мы должны успеть за это время найти Валечку... Он молод, горяч. На него просто что-то нашло, при замкнутом образе жизни такое может случиться с любым. Но я уверен: только стоит нам с ним увидеться и разок переговорить, Валентин сразу же опомнится, и мы тихонько вернемся к прежней жизни, и все у нас будет, как раньше, без глупостей и шума. В противном случае, если мы не сумеем найти его за три дня... Нет, об этом даже подумать страшно. Для меня это – тоже конец.

– Получается, что, скрывая от своих шефов важную информацию, вы идете на риск? – спросила я Адама Егоровича, внимательно выслушав его рассказ.

– Получается, так, – вздохнул он обреченно и поморгал своими огромными, увлажнившимися глазищами. – Если они узнают, что я три... или четыре дня... да что там – хоть час! – скрывал от них о пропаже пробирок из лаборатории и об исчезновении моего сотрудника и подчиненного Лепесточкина В.В., то... боюсь, меня тоже больше никто никогда не увидит. Это факт.

– Ничего себе! И где же вы будете?

– Наша работа считается службой сверхповышенного риска, – без особого энтузиазма пояснил Адам Егорович. – Уверю вас, никого совершенно не удивит, если сотрудник какой-нибудь из подобных лабораторий внезапно скончается, покрывшись предварительно сыпью или просто даже без видимых внешних причин. В принципе это также входит в условия оплаты. Так что речь идет о моей жизни и смерти. Уже сейчас. Сколько мы тут с вами беседуем? Даже если отсчитать время от семи часов утра, когда я обнаружил исчезновение пробирочек и вместе с ними моего коллеги, получается, что уже более чем предостаточно для нарушения инструкции под грифом одиннадцать дробь три.

– И о чем же говорится в вашей инструкции одиннадцать дробь три?

– О том, что в подобных случаях сотрудник обязан в течение одной, максимум, пяти минут связаться с Москвой по специальному круглосуточному номеру и доложить о случившемся. Иначе – самые ужасные последствия, о которых я пока боюсь даже и думать.

– А если я не соглашусь заниматься вашим делом? Откажусь?

– Как? – переспросил он и схватился за сердце. – Как вы сказали? Но... это невозможно. Я потратил уже столько времени. И потом, вы единственный честный детектив, о котором я узнал, и то – совершенно случайно. Правда, я представлял вас совершенно иначе, несколько постарше, но не в этом дело. Если вы откажетесь, то тогда... тогда...

– Что – тогда? – переспросила я с несколько садистским любопытством, потому что чувствовала – эта история мне и самой становится до жути интересной, и теперь ни за что от возможности ею заняться я не откажусь. Ни за какие коврижки!

– Тогда мне ничего не останется делать, как подождать сутки в надежде, что Валечка все же одумается и вернется сам, а потом выпить содержимое какой-нибудь своей пробирочки. Впрочем, лучше сразу яда, чтобы долго не мучиться и не ждать, когда у вирусов пройдет инкубационный период. У меня на всякий случай припасена быстродействующая ампулка...

– Но-но-но, – сказала я строго. – Хотя бы не пугайте меня суицидом. И так уже застрашали своей холерой и чумой. Хорошо, я возьмусь за ваше дело, но только у вас не должно быть от меня никаких секретов. Ни одного. И потом – вы должны пообещать, что будете мне помогать и консультировать во всех вопросах, касающихся содержимого ваших колбочек-пробирочек, и следить, чтобы я случайно не подхватила сама какую-нибудь... проказу.

– Танечка, я знал, что вы меня спасете! – возликовал Адам Егорович, как будто мы уже довели дело до конца, а не стояли едва в самом начале. И вдруг в порыве чувств странный клиент бросился ко мне обниматься и целоваться. – Как я счастлив! У меня появилась надежда! Ведь когда я шел сюда, тоже был риск, что вы не согласитесь... Ведь некоторые только услышат одно слово «чума», так трясутся от страха! А вы... А вы...

– Давайте все же ближе к делу, – сказала я, напустив на себя строгость и отстраняясь от экзальтированного клиента. Может, он после своей тропической лихорадки стал таким? Или какой-нибудь бешеный микроб на него все же перебрался?

– Итак, расскажите мне как можно больше о вашем компаньоне, Валентине Валентиновиче... Ведь я должна знать, кого нам предстоит искать.

– Это очень хороший, я вам даже больше скажу – исключительно хороший человек! – быстро заговорил Адам Егорович. – Но он молод, гораздо моложе меня. И еще – могу заявить это со всей определенностью! – гораздо, неизмеримо талантливее меня. Попасть в его возрасте в такую лабораторию, где мы с ним работаем, – для этого надо быть почти что гением. А как он рассказывает! А как по вечерам песни поет! Вы бы просто заслушались! Если бы вы только...

Я заметила, что глаза Адама Егоровича под очками снова увлажнились, и он, не скрываясь, зашмыгал носом.

– Про песни мы после поговорим, – перебила я странного клиента. – Лучше вот что скажите: может быть, вы в последнее время замечали за ним что-то странное? Не вполне обычное?

Адам Егорович задумался и выразительно поскреб ногтем по своей круглой, как шар, лысой голове, которая с первого взгляда показалась мне неестественно большой.

Вообще-то задавать ему сейчас такой вопрос было все равно что спрашивать слепого: видел ли он, что его товарищ тоже начал испытывать проблемы со зрением? Или спросить глухого, не кажется ли ему, что его дружок несколько туговат на ухо?

– О да! – наконец выдохнул Адам Егорович. – О да! В последнее время Валечка начал вдруг очень много говорить не только о том, что касается нашей работы. А все больше про жизнь – пересказывал все, что только слышал, даже взял с меня слово после восьми вечера ни слова не говорить о работе.

– О чем же вы разговаривали?

– Например, Валечка пересказывал, о чем в очередях говорят, разные жизненные истории. В том числе – и про любовь. Я даже узнал, что однажды он тайно сходил в кино – нашел у него в кармане билет с оторванным контролем. Старому дураку нужно было уже тогда серьезно поговорить с человеком, принять срочные меры безопасности в соответствии с инструкцией под грифом двадцать девять дробь пять. Но всему виной моя проклятая мягкотелость. И вот теперь приходится за нее расплачиваться.

– Что-то не пойму: при чем здесь кино? Вам что, и в кино ходить разве нельзя? – удивилась я невольно.

– Что вы? Что вы? – снова замахал обеими руками Адам Егорович. – Ни за что! Ни в коем случае нельзя! Мы подписывали контракт, где все эти пункты очень строго оговорены.

– А в театр? В рестораны? В кафе?

– Да нет, о чем вы говорите! – удивился моей наивности Адам Егорович. – Никакой напрасной траты времени. Ни часа! Мы должны уметь полностью концентрироваться на своих исследованиях и не делать никаких отступлений. Это записано в условиях контракта. За это нам платят такие деньги, которые любой директор крупной фирмы может назвать зарплатой астрономической.

– Погодите, а... женщины? – никак не хотела я отставать от своего сверхсекретного клиента.

– Ах, женщины, женщины, – грустно улыбнулся Адам Егорович. – Этот деликатный вопрос мы с Валечкой старались всегда обходить, хотя в последнее время он все чаще после восьми вечера пытался вызвать меня на подобные разговоры. Но в условиях контракта есть четкий пункт, где сказано, что сотрудник лаборатории АБЖ-60 должен на три года отказаться от любых контактов с противоположным полом. Как на подводной лодке, понимаете? Как будто мы отправились в плавание и выполняем при этом важнейшее стратегическое задание. Что же тут непонятного?

– Но... это как-то дико. Жестоко, – пробормотала я, вспомнив, сколько удовольствия доставила мне нынешняя ночь, проведенная с Сергеем.

Как, добровольно отказаться еще и от таких радостей? Что же тогда вообще останется в жизни?

– Я так не думаю, – спокойно ответил Адам Егорович. – Ведь в нашу лабораторию никого не запикивают насильно. Мало того, есть масса желающих получить возможность в ней поработать, но отбор настолько жесток, что сюда попадают лишь единицы. В буквальном смысле – несколько человек в стране. Да и то максимальный срок работы в ней – три года.

Каждые три года состав лаборатории обновляется, и даже момента попробовать пройти конкурс на замещение вакантного места ждет множество ученых самых разных возрастов. Валентин сумел попасть в число счастливиц благодаря своей молодости и репутации блестящего ученого.

А вы – женщины! При чем здесь это, когда речь идет о важнейших научных исследованиях? Тот, кто хочет иметь семью и все радости жизни, работает в обычных НИИ, типа инсти-

тута «Микроб», на кафедрах, да мало ли... Скорее всего, о существовании таких лабораторий, как наша, они просто и не догадываются...

– Да, действительно, – пробормотала я несколько озадаченно. – Хорошо, но тогда скажите мне поподробнее про свою лабораторию. Где она находится? Сколько человек там работает?

– Про лабораторию? – переспросил меня Адам Егорович с видом человека, который на что-то решался. – Говорите, про лабораторию? Про нее невозможно рассказать в двух словах. Ее нужно видеть своими глазами.

– Тогда пойдемте!

– Что же делать, придется, – кивнул Адам Егорович. – Вам же все равно нужно осмотреть место преступления, так? И потом, у меня постоянно не выходит из головы: вдруг Валечка все же одумается сам и вот-вот вернется? А может быть, он уже вернулся?

– Не будем терять времени, – первой встала я из-за стола.

Не скрою, меня одолевало дикое любопытство своими глазами увидеть место, о существовании которого в Тарасове я никогда даже не подозревала.

Уж не разыгрывает ли меня странный клиент?

Но, глядя, с каким серьезным и озабоченным видом он торопливо стал собирать со стола свои бумаги, я поняла, что впереди меня ждет одно из самых необычных дел, которые когда-либо мне приходилось распутывать.

Глава 2

В КАМЕННОМ БУНКЕРЕ

Такси удалось поймать довольно быстро. Адам Егорович плюхнулся на заднее сиденье и радостно воскликнул:

– Какое же это неземное удовольствие – промчаться с ветерком по городу на машине! Вы даже не представляете, дети мои, какое это удовольствие!

Я обратила внимание, что таксист при этих словах удивленно покосился в сторону моего спутника.

Впрочем, потом он кособочился и пожимал плечами неоднократно, потому что всю дорогу Адам Егорович почти не закрывал рта и громко радовался, как малое дитя, всему, что видел в окне автомобиля.

Удивлялся красоте шагающих по тротуарам женщин, шумно завидовал людям, которые сидели в кафе под разноцветными зонтиками и ели мороженое, детям, плескавшимся прямо в городском фонтане, вслух комментировал рекламные вывески и читал надписи на витринах магазинов. Создавалось такое ощущение, что Адама Егоровича только что выпустили из тюрьмы строгого режима, где он просидел в одиночной камере примерно лет двадцать пять—тридцать, и теперь заново открывает для себя мир, не уставая поражаться его краскам и звукам. Неужто и за два безвылазных года в лаборатории можно так сильно одичать?

– ...А в следующей жизни я хотел бы родиться вон той собачкой, видите, вон той, рыженькой, – вдруг заявил Адам Егорович, показывая пальцем на огромную беспородную дворнягу, которая с довольным видом развалилась на солнышке возле скамейки, так что прохожим приходилось ее деликатно со всех сторон обходить.

После этих слов водитель больше не выдержал и громко, не скрываясь, загоготал, так что я стала опасаться, как бы он не врезался ненароком в какой-нибудь столб.

Ну а когда Адам Егорович назвал таксисту адрес – ехать следовало в психоневрологический диспансер, расположенный в Заводском районе, – тот уже больше не задавал никаких вопросов, а только всю дорогу посмеивался и слушал Адама Егоровича так внимательно, словно ему рассказывают анекдоты про психов, которые следует запомнить, чтобы потом пересказать в своем кругу.

Диспансер находился где-то на самой окраине Тарасова, так что ехать нам пришлось изрядно долго.

Говорить по дороге о сверхсекретном деле и о своей лаборатории Адаму Егоровичу, разумеется, было нельзя, хотя теперь мне не терпелось узнать некоторые подробности. Но Адам Егорович и так не давал нам скучать, развлекая все новыми и новыми рассказами «международного» масштаба.

Он так и сыпал случаями применения бактериологического оружия против людей во время больших и маленьких войн, описывая их во всех подробностях. Одупейло пытался даже мимикой изображать то зараженных чумой крыс, то тропических комаров.

Чем сильнее хохотал водитель, тем больше горячился Адам Егорович, доказывая, что он говорит чистую правду. К примеру, американские источники приводят неоспоримые доказательства того, что в 1915 году немецкие агенты заразили болезнетворными микробами лошадей и прочий скот, отправляемый из американских портов для войск союзников в Европе. Или о том, как верховное командование французской армии 26 марта 1917 года издало специальный приказ, в котором сообщался факт задержания вражеского агента, снабженного стеклянными ампулами с живыми болезнетворными бактериями и инструкциями по применению.

– Впрочем, – особенно подчеркивал Адам Егорович, – в ряде приказов вермахта того времени содержались рекомендации «колодцев не отравлять», из чего следует, что в начале века даже во время войны бактериологическое оружие вражеские стороны все же старались применять исключительно на животных, и поэтому оно лишь косвенно затронуло людей. Недавно в 1925 году на Ассамблее Лиги Наций в Женеве было вынесено осуждающее бактериологическую войну постановление, которое подписали сорок восемь государств.

– Мой пассажир, случаем, не агент ЦРУ? – со смехом спросил водитель.

– Агент, агент, вы только лучше смотрите на дорогу, – заверила я его.

– Агент – это что-то новенькое, – кивнул таксист. – Вы поверить не можете: я тут в связи с юбилеем Пушкина сразу двух пушкиных в эту больницу подвозил. Так и сыпали: «Я помню чудное мгновенье» и другими стихами тоже, говоря, что это они сами написали. Но вот чтобы бактериологическая война... Ха-ха...

– Ну нет, я вовсе не агент, – смутился Адам Егорович и сразу же замолчал, не зная, как лучше представиться. – Просто я в некотором смысле ученый... Специалист-историк. Я пишу книгу... А она мне помогает.

– Это точно. Вписываем в нее новые страницы, – добавила я спокойно.

– А Пушкин – хороший был поэт, – продолжал мой словоохотливый клиент. – Хотя и у него были большие ошибки.

– Это какие же, например?

– Помните, он написал, что не хочет сойти с ума, что лучше посох и чума. Но я вам должен сказать совершенно авторитетно, Танечка, как специалист, что чума ничем не лучше, нисколько...

Лично меня из дорожных историй Адама Егоровича особенно впечатлил его рассказ об экспериментальной японской лаборатории, созданной в тридцатые годы по приказу императора Хирохито, работавшей на острове в условиях полной изоляции от всего внешнего мира. А также история о других законспирированных в Маньчжурии лабораториях под командованием известного японского бактериолога генерала Исии Сиро – создателя целых «фабрик заразы», о которых стало известно после знаменитого процесса в Хабаровске в 1949 году. На этом процессе были осуждены двенадцать бывших японских военных чинов, виновных в подготовке бактериологической войны, причем главным «кудесникам» вместе с хитроумным Исией удалось выскользнуть из рук правосудия.

Почему-то чем больше Адам Егорович рассказывал про эти самые фабрики и японские лаборатории, тем меньше мне хотелось посещать его «сверхсекретную» лабораторию, но пути назад у меня уже не было.

– Вы только представьте себе размах генерала: четыре с половиной тысячи инкубаторов, где разводились блохи, которых культивировали на живых грызунах! За короткое время там можно было вырастить многие килограммы блох, то есть десятки миллионов насекомых, предназначенных для переноса чумы! Только один отдел, оборудованный специальными котлами, в которых приготавлилась питательная среда для бактерий, и холодильными установками, мог за месяц произвести триста килограммов бацилл чумы, восемьсот килограммов бацилл брюшного тифа, тысячу килограммов бацилл холеры, я уж не говорю про деятельность филиалов...

Даже наш веселый водитель от подобной статистики на время притих и присвистнул, а я так и вовсе припухла и подумала: «Куда это ты, Танечка, ввязываешься? Подумай, пока не поздно: а нужно ли тебе все это?»

Но оказалось, что думать уже некогда, потому что машина остановилась возле ничем не примечательного двухэтажного здания больницы, стоящего буквой «п», и водитель с видимым облегчением выгрузил словоохотливого Адама Егоровича, проговорив:

– Ну и чума!

– Сдачи не нужно, – сказал Адам Егорович, нетерпеливо поглядывая в сторону диспансера, когда шофер принялся отсчитывать десятки.

– Как хотите, – подмигнул весело водитель. – Эх, чумная наша жизнь! Но вы еще ничего, бывает хуже! Я как-то одного сюда вез, так он всю дорогу мне свою поэму читал, которую написал задом наперед. Представляете: все слова правильные, складные, только задом наперед? А потом еще деньги платить отказался. Начал требовать, чтобы, наоборот, я ему заплатил за то, что он меня со своим шедевром познакомил. С вами, братцы, на этом маршруте точно не соскучишься!

– Нам сюда? – удивленно спросила я Адама Егоровича, показывая на здание психоневрологического диспансера, которое своим запущенным видом ничем не отличалось от обычных городских больниц, разве что толстыми решетками на окнах.

– Нет, не совсем, – сказал тот. – Только знаете, Танечка, я должен вас все же предупредить со всей серьезностью... Ну, даже не знаю, как вам лучше сказать. Наша лаборатория в целях повышенной конспиративности располагается в несколько необычных условиях, и я не знаю, как вам лучше... Как бы вы все же не испугались...

– Я? Вы меня обижаете! – воскликнула я и впрямь несколько обиженно. – Мне клиенты тоже платят большие деньги за то, чтобы я ничего и никого не боялась.

– И все же давайте тогда договоримся заранее, что вы не будете ничему удивляться, просто пойдете следом...

– Хорошо, я ничему не буду удивляться, – пообещала я Адаму Егоровичу.

– Вот именно, совсем, совсем ничему. Как же вы хорошо меня понимаете, буквально с полуслова! – воскликнул ученый. – Сам я ко всему давно привык, но с непривычки возможны некоторые стрессы...

– Не надо напрасно терять времени, ведите, – сказала я. – Меня трудно чем-либо удивить. И потом, вы думаете, я никогда не была в сумасшедшем доме?

– Да, вы правы, конечно, – пробормотал Адам Егорович. – Все, тогда больше ни слова. Я и так слишком много разговариваю, верно? Вы меня все же порой останавливайте...

Но в диспансер мы с Адамом Егоровичем заходить почему-то не стали, а, обогнув здание, оказались в его заросшем бурьяном заднем дворе, где стояли какие-то деревянные сарайчики, валялись доски и строительный мусор. Среди густых деревьев виднелся также маленький одноэтажный домишко, что-то наподобие хатки-мазанки, которая тоже, вероятно, служила в диспансере каким-то подсобным помещением.

К моему удивлению, Адам Егорович повел меня именно к этому облупившемуся домику. Одупейло очень быстро отомкнул своим ключом железную дверь, закрытую на амбарный замок, и мы оказались в небольшой темной каморке, пропитанной сладковатым больничным запахом, отвратительным до тошноты.

– И это ваша лабо...? – начала было я.

– Т-с-с... Прошу вас, только тихо, – прошептал Адам Егорович, но мне показалось, что у него самого голос испуганно дрогнул. – Черт побери, кого-то, кажется, уже подложили. Утром было пусто. Вообще-то здесь такое редко случается...

– Ой, что это? – перешла я тоже на шепот, разглядев в темноте стол, на котором лежало что-то белое.

– Покойничек, вы же видите, – ответил Адам Егорович. – Не шумите.

Неужели и правда мертвец, накрытый простыней? Но почему-то мне показалось, что в какой-то момент тело чуть заметно пошевелилось. Да нет, я могла бы поклясться, что своими глазами видела волну, прошедшую по белой ткани, которая тут же застыла, обрисовывая контуры человеческого тела.

Честно признаться, мне сразу сделалось как-то не по себе. Но Адам Егорович теперь молчал, слишком не вовремя решив избавиться от своей привычки к многоговорию, и мне нужно было самой лихорадочно соображать, что к чему.

На сверхсекретную лабораторию эта комнатка определенно похожа не была. Хотя в ней сейчас можно было разглядеть лишь встроенный в стену стеллаж с какими-то большими банками и два железных стола посередине, на одном из которых сейчас кто-то зловеще притаился.

Какое все же счастье, что мои зеленые глаза, помимо кошачьего цвета, обладают еще и кошачьим зрением, и я неплохо вижу в темноте. Я пригляделась – один стол был пустым, на другом под простыней кто-то лежал. Может, мне лишь показалось, что ткань пошевелилась?

Ну конечно же! Похоже, сейчас мы пришли не куда-нибудь еще, а в морг. И еще мне было понятно, что сейчас за нами накрепко закрылась входная дверь и Адам Егорович остался посреди помещения, молча и тяжело дыша в нескольких шагах от меня. Создавалось ощущение, что он задумал что-то недоброе.

Мысли в голове замельтешили с бешеным ускорением. Уж не маньячок ли пожаловал, случаем, по мою душу под видом говорливого клиента? Может, этот странный ученый занимается вовсе не исследованием микробов, а, к примеру, изучением человеческих внутренностей, и ему постоянно необходим свеженький материалчик? Или, допустим, устраивает опыты со своей холерой и чумой на живых людях?

Не зря же он с таким вдохновением рассказывал про японского генерала, который проводил всевозможные эксперименты над военнопленными, заставляя их глотать палочки всевозможной заразы? Или про Геринга, которому Гитлер, оказывается, тоже поручал как можно скорее проверить на людях эффективность бактериологического оружия, чтобы использовать в войне?

А чего хочет конкретно от меня этот чудик? Может быть, его задача – заманить в эту так называемую лабораторию очередного человечка, чтобы было с кем работать, экспериментировать с новым увлечением?..

Но в таком случае Адам Егорович Одупейло на этот раз выбрал для своих опытов крайне неудачную кандидатуру. Не зря же я, в конце-то концов, имею черный пояс по карате?

И потом – он наверняка думает, что я сейчас ничего не вижу и не понимаю, где нахожусь, и даже не замечаю его сообщника. Надеюсь, что я невольно растеряюсь в темноте, он, наверное, собирался взять меня голыми руками вместе с помощником, который затаился под простыней.

Не тут-то было! Почувствовав, как Адам Егорович вдруг цепко сжал мой локоть в темноте, я резко схватила его за руку и заломила назад. Таким образом великий ученый попал в тиски, из которых ему выбраться в одиночку было совершенно невозможно. При этом я держала в поле зрения того, кто прятался под простыней. Маловероятно, что своими черными делишками этот подслеповатый доходяга занимался в полном одиночестве, так что нужно быть готовой к серьезному бою.

– Ой-ой-ой, – взвыл в темноте Адам Егорович. – Что вы, Танечка, больно же! Ой-ой-ой, отпустите...

– Зачем вы привели меня сюда? – спросила я сквозь зубы.

– Ну вот, я же говорил, надо было все объяснить заранее. Но я не думал, что вы меня так... Отпустите же, в конце концов...

– Зачем вы привели меня в морг?

– Но что делать? – быстро зашептал в темноте Адам Егорович. – Наша лаборатория специально размещена здесь же, под землей, другим путем в нее никак не попадешь. И потом – здесь крайне редко кто-нибудь появляется из... неживых, всего несколько раз в год.

– Ничего не понимаю. Чуть какая-то...

– Понимаете, подобное размещение секретного объекта является дополнительной гарантией того, что никто лишний раз не будет любопытствовать и залезать сюда. Насколько я знаю,

так устроено не только в нашем городе, но и в ряде других мест: руководство пришло к выводу, что устраивать лаборатории таким образом целесообразно по многим соображениям. Конечно, это несет некоторые неудобства для сотрудников, но они не столь уж значительны, если учесть, что свою, образно говоря, подводную лодку мы покидаем нечасто. Я лично – от силы раз в году, Лепесточкин – пару раз в месяц. Честно признаться, я даже и не предполагал, что на дворе бушует такая весна, на каждом углу сиренью торгуют и еще вот эта, беленькая и душистая, везде расцвела.

– Черемуха, – подсказала я Адаму Егоровичу, немного успокаиваясь, хотя это слово сейчас у меня ассоциировалось только со знаменитым отравляющим газом.

– А вы вон какая сильная и ловкая девушка, оказывается! Кто бы мог подумать! Мне даже как-то немного приятно, что вы меня сейчас так держите, особенно вот теперь, когда стало совсем не больно... – пробормотал Адам Егорович, смущенно хихикнув в темноте.

Я несколько устыдилась своей подозрительности, которая, впрочем, как показывает практика, никогда не бывает излишней, и отпустила бедного старичка из своих невольных, сильных объятий. А то еще возомнит что-нибудь не то! Представляю, какая великолепная получилась бы сексуальная сцена на столе в морге с полусумасшедшим старым ученым, переболевшим к тому же всеми ужасными болезнями, которые только бывают на свете, включая все виды тропической лихорадки. Наверное, картина бы получилась «сверхэкзотической», ну просто готовый сценарий для Голливуда.

– Ну, вы все же теперь потише, – сказал Адам Егорович, подводя меня к стеллажам, которые вдруг сами как в сказке отодвинулись в сторону, открывая замаскированную железную дверь в стене. – Предупреждаю, вниз ведет крутая лестница, вы уж все-таки за меня потихоньку придерживайтесь, не стесняйтесь. Договорились? Я буду светить фонариком.

Дверь бесшумно открылась, и мы оказались на маленькой площадке, обложенной голубым «туалетным» кафелем, по которому Адам Егорович быстро скользнул фонариком.

Но при свете луча я успела заметить, что под ногами у нас была глубокая шахта, настоящая черная бездна.

– Вы не удивляйтесь, – шепотом сказал Адам Егорович, быстро захлопывая за собой дверь. – Мировой опыт показывает, что мини-лаборатории, подобные нашей, удобнее всего устраивать под землей. Максимальный срок эксплуатации – тридцать лет, за которые как раз сменяется десять команд ученых. Потом бункер засыпается землей, и новую лабораторию устраивают совсем в другом месте.

– А... сколько работает уже ваша... подводная лодка? – спросила я, осторожно спускаясь вслед за Адамом Егоровичем и боясь скатиться с лестницы кубарем, пересчитав головой все железные ступеньки. Похоже, что считать бы мне пришлось очень даже долго.

– По идее, нынешний год должен для мини-лаборатории АБЖ-60 стать последним, так сказать, завершающим, – ответил Адам Егорович. – Но пока точно ничего не известно. В связи с мировым экономическим кризисом и особенно положением в нашей стране вполне возможно, что руководство пересмотрит некоторые позиции, не будет столь расточительно и продлит сроки эксплуатации. И потом, опять-таки война в Югославии, необходимость повышенной боевой готовности...

– Вы хотите сказать, что ваша лаборатория все же к этому имеет какое-то отношение? – переспросила я. – Вы что, тоже выращиваете тут килограммами всякую заразу, как японцы?

– Ну что вы! Я нарочно рассказал вам про японских империалистов, чтобы вы нас с ними ни в коем случае не путали. Мы занимаемся чистой наукой, Танечка. Наукой в чистом виде, – помолчав, уточнил Адам Егорович. – Но в связи с тем, с какой интенсивностью к нам в последнее время стали приходить по Интернету новые особые задания и программы, некоторые выводы напрашиваются сами собой. Но мы лишь служители науки – не более того, и я хочу, чтобы вы это поняли четко, раз и навсегда.

– И долго еще спускаться? На какой же глубине находится ваша лаборатория? – спросила я, когда фонарик Адама Егоровича в очередной раз скользнул по стене, аккуратно обложенной кафельной плиткой, и снова уперся впереди в крошечную темноту.

– Вообще-то можно было бы на лифте, – сказал он. – Здесь есть скоростной лифт. Но я с детства опасаюсь лифтов, ничего не могу с собой поделать. Когда-то я застрял дома в лифте со своей соседкой по дому, Лилечкой, и просидел там почти два часа.

– Ну надо же! И с тех пор испугались на всю жизнь?

– Боюсь... воспоминаний, – тихо сказал Адам Егорович, и голос его сделался каким-то особенным. – Исключительно ненужных воспоминаний, вот и все. Ведь мы с этой соседкой потом чуть было не поженились, но я все же выбрал науку, Танечка. Мне никак нельзя было связывать себя семейными обязательствами. И потом – ей моя фамилия почему-то сильно не нравилась. Но память, память... Это такая противная штука...

И все же наконец-то наступила заветная минута, когда наш спуск, почище альпинистского, был завершен без потерь и травм. Адам Егорович снова открыл какую-то невидимую дверь, и меня буквально ослепил свет, ударивший в глаза из возникшего перед нами помещения.

– Это гостиная, – пояснил Адам Егорович. – Здесь мы можем остановиться, передохнуть и все обговорить. Как видите, все комнатки у нас небольшие по размеру, но неплохо оборудованные. Отдельно имеются лаборатория, рабочий компьютеризированный кабинет, спальная, столовая, душ – я вам их тоже покажу. Но пока лучше присесть здесь. Признаться, меня сильно утомила сегодняшняя вылазка.

И Адам Егорович буквально упал в мягкое кожаное кресло, снял очки и со страдальческим видом потер глаза, показывая, что ему требуется хотя бы несколько минут отдыха.

Я не возражала, потому что мне тоже требовалось время, чтобы как следует осмотреться вокруг и перестать чересчур сильно всему удивляться.

Хотя в первую минуту сделать это было очень трудно.

Гостиная в этом каменном бункере на глубине ста с лишним метров (на всякий случай я пыталась считать про себя шаги) представляла собой небольшую комнату, со вкусом обставленную шикарной мебелью, ярко освещенную красивейшей люстрой и оснащенную множеством приятных глазу мелочей, вплоть до букета цветов в высокой восточной вазе и картинок на стенах в резных рамках.

Но больше всего меня поразило, что в комнате было три окна на разные стороны и из каждого открывался совершенно великолепный вид.

Из первого окошка был виден морской пейзаж с закатным розоватым солнцем и уходящим за горизонт белым корабликом, в другом проглядывала могучая горная вершина, а из третьего обозревалась как бы с высокой горы бескрайняя равнина с маленькими, словно игрушечными, домиками и деревьями. От всего этого буквально захватывало дух.

Подойдя к одному из окон вплотную, я разглядела тончайшую, в мелких дырочках ткань экрана, на которой сияли сейчас в лучах солнца горные вершины – но как же искусно все было сделано!

– Что, нравится? – устало приподняв веки, заметил мой интерес Адам Егорович. – Мне первые два месяца тоже нравилось, а сейчас я уже не обращаю на эту игрушку ни малейшего внимания. Мало того, она даже раздражает меня. Кстати, картинки можно менять...

Он взял с журнального столика пульт, и на каждом из трех окон с бешеной скоростью закружились всевозможные пейзажи: степи, джунгли, пустыни, горы, льдины, улицы городов.

– Японская игрушка, – пояснил, закончив демонстрацию, Адам Егорович. – Здесь многое сделано по японской модели. Но учтите – только внешний антураж, не более того, об остальном мы с вами договорились.

– А... воздух? – спросила я озадаченно.

С самой первой минуты меня особенно поразило, что из распахнутых ненастоящих окон действительно доносился вполне ощутимый свежий ветерок, настоящий морской бриз. И это в каменном-то мешке!

– Тем более, – улыбнулся Адам Егорович. – В этом отношении японцы давно всех превзошли. Воздух, кстати, тоже можно настраивать по своему вкусу: хочешь, горный, хочешь, морской или степной. Но он всегда будет безупречно чистым, насыщенным кислородом, это гарантировано. Честно признаться, меня сегодня наверху особенно убило, как там у вас сильно загазовано. Я думал, даже в обморок упаду с непривычки. И теперь голова ужасно болит. Ну, ничего, не обращайтесь внимания, я сейчас приму какое-нибудь лекарство, и мы вернемся к нашему делу.

Адам Егорович взял со стола стакан, не вставая с места нажал в дверце шкафа какую-то кнопку, и оттуда журчащей струйкой полилась вода.

– Минералка, – пояснил Адам Егорович. – Здесь всякая есть, но я все равно предпочитаю наш нарзан. Есть также шампанское, голландское пиво, чтобы в выходные дни устраивать организму допустимую релаксацию. Хотите?

– Нет, спасибо, – сказала я, помня, что нахожусь все же не в стране чудес, а в странной лаборатории, где дружат с чумой, холерой и прочей гадостью. – Я уж лучше наверху своей родной попой, хлорированной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.